

КПСС В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ: ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

В широком спектре научных проблем современной отечественной истории важное место занимает вопрос о том, почему Коммунистическая партия Советского Союза, провозгласившая курс на перестройку, к концу преобразований оказалась на обочине перемен, а после путча ГКЧП потерпела политический крах: ее деятельность на территории РСФСР была приостановлена, а затем запрещена. Дополнительную «интригу» этой проблеме добавляют события двух последовавших десятилетий в России, которые показали, что «Железный Феликс» (безусловно, важнейший символ коммунистической власти), так казалось легко свергнутый с гранитного и политического постаментов, не стал сугубо музейным экспонатом. Его дело продолжает жить и «на отдельных фронтах» побеждать. Об этом наглядно свидетельствует практика современного российского политического режима, во внутренней политике использующего многие технологии советской партийно-государственной машины, публичная риторика политической элиты и даже государственная символика и праздники.

Исследователи перестройки к настоящему времени практически исчерпали эвристические возможности традиционных методологических подходов. Теории революции элит¹, модернизации², демократического транзита³, кризиса индустриального общества⁴ объясняют лишь общие причины перехода от тоталитарного и мо-

¹ *Пастухов В.Б.* От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» // Политические исследования. 1993. № 2. С. 49–56; *Крыштановская О.В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.

² *Согрин В.В.* Теоретические подходы к российской истории XX века // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 129; *Алексеев В.В., Алексеева Е.В.* Распад СССР в контексте теорий модернизаций и имперской эволюции // Отечественная история. 2000. № 5. С. 3–18.

³ *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

⁴ История экономики СССР и России в конце XX века (1985–1999) / Под общ. ред. А.А. Клишаса. М., 2011. С. 7–16.

биллизационного типа советского общества к демократическому и рыночному в конце XX века. Этих теорий недостаточно, чтобы препарировать логику изменений отдельных советских политических институтов и понять идейно-политические настроения представителей советского политического класса, их поведение и выбор социальных стратегий в условиях динамично менявшейся политической реальности.

В настоящей статье применены наработки теории социальной адаптации к анализу институциональной трансформации КПСС и политического поведения ее членов во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов. Выбор этого исследовательского ракурса не является случайным. Его преимущество заключается в том, что он дает возможность оценить процесс приспособления политической организации и ее членов к новым условиям и тем самым глубже понять ход, результаты и долгосрочные последствия преобразований.

Ранее исследователи не использовали теорию социальной адаптации для анализа политических процессов на завершающем этапе советской истории. Однако накоплен опыт в изучении социально-экономической адаптации этого периода. Особенно ценными являются результаты исследовательской программы «Советский человек», реализованной под руководством профессора Ю.А. Левады. В ее рамках был изучен широкий круг проблем, включавший социальную идентификацию, ориентацию и адаптацию населения России с 1989 г. по 2004 г.⁵ Один из важных выводов, который был сделан по итогам социологических исследований, заключается в том, что в условиях снижения и утраты стабильности социальных регуляторов страдают «все», но в разной мере. Труднее всего приходится активным общественным группам, которые пытаются играть «на повышение» (или на сохранение) собственного статуса, т.е. элите, имеющей или стремящейся получить доступ к верхним этажам общественной иерархии⁶. Этот вывод выделяет то эмпирическое наблюдение, что кризис в годы

⁵ Левада Ю.А. Координаты человека. К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2001. № 1 (51). С. 7–15.

⁶ Там же. С. 14.

перестройки разворачивался преимущественно на «околовластных этажах», подтверждая актуальность изучения трансформации коммунистической партии.

Исследование политической адаптации КПСС в период перестройки невозможно без первоначального выяснения институциональной и идеологической предрасположенности организации к изменениям, а также готовности ее членов к принятию новых политических норм и практик. В начале 1985 г. КПСС являлась самой влиятельной политической партией мира. Более 60 лет она обладала монопольным правом на политическую власть в Советском Союзе. Жестко централизованная, построенная по территориально-производственному принципу сеть партийных организаций объединяла 18,7 млн человек, что позволяло партии определять не только внешнюю и внутреннюю политику государства, но и контролировать все государственные и общественные организации, а также ключевые предприятия и учреждения. КПСС имела мощный бюрократический аппарат, предназначенный как для ведения внутривнутрипартийных дел, так и для реализации функций общегосударственного руководства и управления. Исполнение этих функций выражалось в том, что крайкомы, обкомы, горкомы и райкомы КПСС часто выступали в роли последней инстанции при решении конкретных хозяйственных и социально-бытовых вопросов. Столь широкие права и полномочия определялись Программой и Уставом партии, диктовавшими подчинение всего общества целям коммунистического строительства. Более того, в Программе партии содержался тезис о том, что в «период развернутого строительства коммунизма роль партии как руководящей и направляющей силы советского общества возрастает», что не было пустыми словами. В 1977 г. «руководящая роль» КПСС в политической системе была закреплена в 6-й статье Конституции СССР, обретая тем самым высшую юридическую силу.

Идеология и институциональные свойства партии свидетельствуют о том, что она обладала большим потенциалом для наращивания политического влияния, тогда как возможности по уменьшению ее полномочий были ограничены. Колоссальный объем власти, которым обладала партия, мог быть «секвестрирован» только по ее собственной инициативе. Курс на снижение политической роли КПСС требовал внесения принципиальных изме-

нений не только в ключевые партийные документы, но и в Конституцию, являвшуюся Основным законом страны. Подобная политическая реформа не могла быть проведена без глубокого идеологического обоснования и интенсивного агитационно-пропагандистского обеспечения. «Уход» партии от прежних управленческих функций требовал формирования органов государственной власти на новых принципах, разработки и принятия законов, регулирующих взаимоотношения союзного центра, национальных республик и местных органов власти. Для решения этих непростых задач требовалась большая политическая воля и серьезный стимул.

Не менее важным вопросом являются готовность и способность партийной массы к политическим изменениям. Подавляющее большинство членов КПСС, воспитанных в духе беспрекословного одобрения и подчинения решениям центральных партийных органов, отличалось управляемостью и дисциплинированностью. Это политическое качество было особенно «выгодно» руководству КПСС при проведении преобразований, так как практически исключало угрозу появления сильной внутрипартийной оппозиции.

Дисциплинированность дополнялась еще одной «родовой» особенностью политической культуры коммунистов — «политической гибкостью». На протяжении своей истории партия пережила несколько глубоких кризисов, сопровождавшихся существенной деформацией идеологии, свержением политических кумиров и сменой политического курса. Неумение приспособиться к этим резким изменениям нередко угрожало физическому существованию членов партии, поэтому у них выработалась способность к быстрой перемене политической позиции и мимикрированию. Например, после XX съезда КПСС коммунисты с поразительной скоростью стали отказываться от своего недавнего политического кумира И. В. Сталина и поддерживали шаги по демократизации общественной жизни, а затем в 1957 г., когда ЦК КПСС жестко регламентировал курс на десталинизацию, вновь стали активно бороться с «антисоветскими вылазками»⁷. Столь реактивная приспособ-

⁷ Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Кузбасса в годы «послевоенного сталинизма» и «оттепели» (1945–1964). Кемерово, 2005. С. 163–165.

ляемость партийной массы также благоприятствовала усвоению очередного политического курса, на этот раз на перестройку.

Другим фактором предрасположенности к политическим изменениям являлась возрастная структура членов КПСС. Политическая социализация почти двух третей из них прошла в годы правления Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева. Многие коммунисты получили политический опыт на фоне десталинизации, развернувшейся после XX съезда партии. По сути это было первое «непуганое» поколение: они не пережили атмосферу репрессий, были внутренне свободнее и в большинстве своем образованнее, чем их предшественники. В хрущевское время политическое разномыслие постепенно стало укореняться в советском обществе. Свою роль сыграла и большая открытость СССР в послесталинский период. У граждан появились возможности шире познакомиться с экономическим и социальным укладом других стран. Все это делало коммунистов и особенно «молодую» часть партийной элиты 1980-х годов подготовленными к отходу от прежней политической доктрины.

Воспоминания партийных работников свидетельствуют о том, что, кроме того, в первой половине 1980-х годов у коммунистов развивалось латентное политическое недовольство, вызванное геронтократическим характером партийной элиты, нерешенностью многих социальных проблем и несоответствием важнейших положений идеологической доктрины партии социально-экономическим и политическим реалиям⁸. Вряд ли мироощущение интеллигенции тех лет, выраженное в известной фразе «так жить нельзя», широко проникло в умы представителей «политического авангарда». Тем не менее в партии перемен ждали, что должно было обеспечить поддержку преобразованиям, по крайней мере на их начальном этапе.

В то же время «реформаторский потенциал» членов КПСС не стоит переоценивать. Желание перемен «не отменяло» фундаментальных особенностей их политической культуры, которые пре-

⁸ *Котляров М.В.* Идеино-политические процессы в организациях КПСС Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.) // *Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин.* Новосибирск: Параллель, 2012. С. 219–220.

пятствовали существенной трансформации режима. Высокий уровень дисциплинированности коммунистов мог обеспечить проведение преобразований, но и блокировал проявление активной инициативы «снизу», без которой невозможно приспособить функционирование политической структуры к новым условиям, особенно в случае, если они потребуют реальной борьбы за власть, а не только «претворения решений партии в жизнь» в условиях политической монополии.

Еще одной оборотной стороной политической дисциплины был конформизм. Академия общественных наук при ЦК КПСС в 1981 г. провела исследование состояния критики в парторганизациях на основе анализа замечаний, высказанных делегатами краевых и областных партийных конференций. Результаты проделанной работы показали, что «по-прежнему» преобладала критика «сверху» (около 80 %), проявлений критики «снизу» было крайне мало (10–12 %). При этом критика «снизу» в большинстве случаев носила общий и безадресный характер (83,8 %). Многие критические замечания высказывались коммунистами в форме просьб и пожеланий (около 50 %). Кроме того, большая часть (около 70 %) замечаний и предложений была адресована хозяйственным руководителям⁹. В массе своей даже члены партийных комитетов свыклись с ролью безмолвных плательщиков партийных взносов, что было еще одним препятствием для активного включения членов партии в реализацию реформ.

На протяжении десятилетий партия «выпестовала» у своих членов не только дисциплинированность и политический конформизм, но и демонстративную враждебность к остальному, в первую очередь, западному миру. Причем враждебность проявлялась практически во всем: в неприятии культуры, социальных отношений и тем более — политического устройства. Глубокое недоверие к «чужому» не могло не затруднить усвоение новых норм и практик.

В политической культуре коммунистов отсутствовала традиция политического диалога и компромисса. КПСС не имела практики ведения полемических дискуссий на партийных собраниях, пленумах и конференциях, равно как и отношения к политике как

⁹ РГАНИ. Ф. 5. Оп. 84. Д. 84. Л. 19–26.

«искусству возможного». В коммунистической традиции укоренились противоположные максимы: «нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять большевики», ставка на насилие и подавление инакомыслия. Эти качества напрямую препятствовали формированию демократических «правил игры», в основе которых лежит признание разнообразия общественных интересов и выстраивания механизмов их согласования.

Серьезной преградой для глубокой реформы партии был технократический характер партийной номенклатуры. В середине 1980-х годов в КПСС на руководящих должностях преобладали специалисты промышленного производства, транспорта, связи, строительства и сельского хозяйства¹⁰. Секретари партийных комитетов по большей части являлись выходцами из производственно-хозяйственных структур, и на партийном посту занимались главным образом решением хозяйственных задач. Они имели низкий уровень гуманитарных знаний. Вопросы идеологии, политического устройства государства, культуры и нравственности, которые неизбежно должны были актуализироваться при проведении политической реформы, для них не являлись ценностью. Руководящие партийные работники тех лет не скрывали своего предпочтения к «настоящему делу» и враждебно относились к «болтовне».

Дополнительным условием для формирования негативных управленческих установок являлся возраст секретарей партийных комитетов. Подавляющее большинство первых секретарей крайкомов и обкомов в середине 1980-х годов были предпенсионного и пенсионного возраста, примерно половина первых секретарей горкомов и райкомов находилась в возрасте около пятидесяти лет. Это значит, что они теряли возможность для карьерного роста и нацеливались на сохранение стабильности своего положения, поскольку уход с должности означал для них лишение существенных привилегий и утрату высокого социального статуса¹¹.

Описанные качества КПСС позволяют сделать промежуточный вывод о том, что она обладала слабым адаптивным потенциа-

¹⁰ *Котляров М.В.* Партийная номенклатура Западной Сибири в период перестройки // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 2011. № 2. С. 67–71.

¹¹ Там же. С. 72.

лом. Главной «ахиллесовой пятой» партии были ее институциональные свойства. К 1980-м годам КПСС превратилась в партию государственного типа с мощной бюрократической, жестко централизованной и иерархичной структурой, которая не могла гибко реагировать на общественные настроения и соответственно изменять механизмы своей работы. Несмотря на то, что у молодой, образованной части членов КПСС назрело понимание необходимости перемен, их реализация неизбежно должна была натолкнуться на ограничения коммунистической идеологии и политической культуры, в которой укоренились антидемократичность, конформизм, технократизм и глубокое недоверие к чуждым политическим и социальным нормам.

Избрание на пост Генерального секретаря ЦК КПСС энергичного М. С. Горбачева и решения Апрельского пленума ЦК КПСС 1985 г., на котором был провозглашен курс на ускорение, коммунисты восприняли позитивно. Первые меры нового руководителя партии были направлены на резкое наращивание инвестиций в машиностроение, решение назревших социальных проблем и «наведение порядка». Эти инициативы, организованные в форме традиционной политической кампании, отвечали ожиданиям членов партии и были адекватны их политической культуре. КПСС, как и прежде, выступала в роли главного «вдохновителя» и «организатора» нового экономического «рывка», что подкреплялось активизацией кадровой политики, выразившейся в увеличении штатов аппарата местных партийных комитетов при одновременном усилении мер, направленных на повышение дисциплины и ответственности кадров¹².

Однако после XXVII съезда, прошедшего 25 февраля — 6 марта 1986 г., на котором была поставлена задача не только ускорения социально-экономического развития, но и перестройки форм и методов работы партии, стала проявляться ограниченность адаптивного потенциала КПСС. Призывы центральной партийной печати «начать перестройку с себя», «работать по-новому» обсуждались на собраниях первичных партийных организаций, пленумах пар-

¹² Котляров М.В. Кадровая политика КПСС в партийных организациях Западной Сибири в период перестройки // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная история. Новосибирск, 2009. № 2. С. 105–108.

тийных комитетов, но не вели к серьезным изменениям в их деятельности. Характерным проявлением реакции на эти требования стали обращения к работникам ЦК КПСС со стороны местного партийного актива разработать подробную «инструкцию по перестройке»¹³. Секретари партийных комитетов «осторожничали», так как требования о проявлении личной инициативы шли в разрез со сложившейся традицией. Политический курс столкнулся с бюрократической инерцией, которая обуславливалась жестко централизованным и иерархичным принципом построения КПСС.

М.С. Горбачев довольно быстро осознал проблему и решился на слом «механизма торможения». Он видел решение не только в изменении организационно-партийной работы, а гораздо шире – в сфере идеологии и принципов формирования партийных органов. Генеральный секретарь ЦК КПСС склонился к мнению своих помощников, которые считали, что «к «деформации социализма» привела политика И.В. Сталина, создавшего жесткую авторитарную систему»¹⁴. Со второй половины 1986 г. данная мысль постепенно стала стержневой в идеологии перестройки, определив поворот политического курса в сторону десталинизации и демократизации.

Изменение политики осуществлялось в нескольких направлениях. С начала 1987 г. началась подготовка общественного мнения: в печати постепенно разворачивалось обсуждение различных социально-экономических проблем, трагических фактов истории сталинской эпохи. Слова о причастности И.В. Сталина к массовым репрессиям произнес лично М.С. Горбачев в докладе, посвященном 70-летию Октябрьской социалистической революции. Затем по предложению Генерального секретаря ЦК КПСС, озвученному на Январском пленуме ЦК КПСС 1987 г., был изменен принцип формирования партийных органов, внедрена норма о выборах на альтернативной основе секретарей партийных комитетов. Через год высшее партийное руководство продемонстрировало, что не будет останавливаться на полумерах, а намерено провести полноценную политическую реформу. С февраля 1988 г.

¹³ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 5765. Л. 166–167.

¹⁴ *Полынов М.Ф.* Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг. СПб., 2010. С. 326.

началась подготовка к XIX Всесоюзной партийной конференции, которая должна была выработать и закрепить в своих резолюциях направления глубоких изменений политической и экономической системы СССР.

Предпринятые в течение 1987 г. политические шаги руководства партии рядовые коммунисты воспринимали с энтузиазмом, а руководство партийных комитетов — с настороженностью. Члены партии постепенно убеждались, что ЦК стремится к реальным изменениям, а партийные функционеры осознали, что им теперь придется не только руководить перестройкой экономики, но и проводить изменения в собственной политической практике, что усложняло их положение. Противоречивость процесса адаптации парторганизаций к новым условиям наглядно иллюстрирует внедрение нормы об альтернативных выборах секретарей партийных комитетов. Выборы из нескольких кандидатов стали проводиться практически сразу же после Январского пленума ЦК КПСС 1987 г., но они не стали откликом на запрос местных парторганизаций, а были личной инициативой первых секретарей крайкомов и обкомов. Первые альтернативные выборы секретарей проводились только на уровне райкомов и горкомов. Выборы жестко контролировались вышестоящим партийным аппаратом: кандидаты тщательно подбирались, мнения, высказанные о них на пленумах, фиксировались, исключалась возможность голосования «против всех» кандидатов. Тем самым партийная номенклатура скорее получила новую форму поддержания своего статуса, а не обрела дополнительные каналы связи с партийным активом и «настоящее» доверие. Несмотря на паллиативный характер выборов, их проведение повлияло на жизнь партийных организаций. На пленумах заметно вырос градус критики, постепенно стала изживаться традиция келейности, формализма при организации форумов, что оценивалось членами КПСС положительно.

С 1988 года для партии начались серьезные испытания. XIX Всесоюзная партийная конференция (28 июня — 1 июля 1988 г.) приняла решение о наделении советов всей полнотой законодательных, управленческих и контрольных функций при одновременном сокращении «административно-командных» полномочий партийного аппарата. Вновь воспетый лозунг «Вся власть сове-

там!» стал катализатором процесса политического самоопределения общества. Люди начали осознавать, что КПСС будет терять прежнюю роль в политической системе. О том, что это были не просто политические декларации, свидетельствовала менявшаяся общественно-политическая атмосфера. Ширился спектр общественно-политических тем, обсуждаемых в СМИ, тон их публикаций становился все более критическим. С каждым месяцем смелее себя вели различные политизированные неформальные организации, на мероприятиях которых нередко звучали «антисоветские» высказывания. К тому же в 1988 г. население почувствовало ухудшение со снабжением продуктов и товаров первой необходимости, что оказывало большое влияние на отношение к проводимому КПСС политическому курсу. В 1985–1986 гг. партия взяла на себя большие социальные обязательства, повысив позитивные ожидания общества. Однако по прошествии трех лет перестройки многие из них так и не начали выполняться. Кредит доверия партийной власти стал уменьшаться. Таким образом, курс на политическую реформу на фоне признаков ухудшения экономического положения требовал не только «настоящих» изменений в практике партийной работы, но и поставил перед членами партии проблему реального политического выбора, которой прежде просто не существовало. С этого времени начинается «расщепление» социально-политических стратегий членов КПСС.

Для профессиональных партийных работников настали непростые времена. Со второй половины 1988 г. важнейшим направлением политической реформы стала, по сути, ликвидация «внутренней партии»: сокращение численности, полномочий и привилегий партаппарата, поскольку их сохранение могло свести на нет курс на повышение политической роли советов. Процесс шел медленно и противоричиво. М. С. Горбачев лавировал, оставив партийной номенклатуре «окно возможностей» для сохранения высокого политического статуса. В резолюциях XIX Всесоюзной партийной конференции содержалась рекомендация выдвигать на должности председателей советов, как правило, первых секретарей партийных комитетов соответствующего уровня при условии избрания их депутатами этих органов. Прежде, когда советы не имели всей полноты самостоятельности и полномочий,

первые секретари партийных комитетов, как правило, были членами их исполкомов. Эта рекомендация была воспринята как уступка номенклатуре, но она решала и другую важную для всей партии задачу: проверку руководящих партийных кадров на «народное доверие» путем участия в выборах и, тем самым, служила цели укрепления легитимности режима.

Политическое положение секретарей партийных комитетов дополнительно осложняли решения высших партийных форумов, которые стимулировали критику аппарата со стороны членов партийных комитетов. С 1987 г. руководящих партийных работников на пленумах стали критиковать за грубость, игнорирование альтернативных мнений. После XIX Всесоюзной конференции группы влиятельных коммунистов стали предпринимать попытки смещения руководителей как на районном, так и на региональном уровне¹⁵. Одновременно на руководящих партийных работников «давила» пресса, которая «требовала» от них демократического стиля работы, отказа от административно-командных методов и подмены советов.

Сложность положения номенклатуры в 1988–1989 гг. заключалась в том, что она не могла просто устраниться от «руководящей и направляющей» политической роли. ЦК партии не снимал ответственности с местных партийных комитетов за выполнение народно-хозяйственных планов и общую социально-экономическую обстановку, которая ухудшалась. Подавляющее большинство партийных функционеров оставались верными аппаратной дисциплине и не собирались «отдавать власть». Тем более кадровая и материально-техническая слабость местных советов действительно не позволяла партийным комитетам быстро отказаться от прежних полномочий. Поэтому дальнейший успех политической реформы во многом зависел от повышения роли органов государственной власти.

Альтернативные выборы народных депутатов СССР весной 1989 г., а через год – народных депутатов РСФСР и местных советов, а также изменение под давлением гражданских протестов в Москве 6 статьи Конституции СССР в марте 1990 г. сыграли принципиальную роль. Они резко повысили политический автори-

¹⁵ Сорокин В.В. Гибель громады. Барнаул, 2005. С. 241–245.

тет прежде бесправных советов, тогда как роль партийных комитетов начала быстро снижаться.

Уникальность выборов 1989–1990 гг. была не только в том, что на них допускалась реальная альтернатива, но и в том, что 85% кандидатов были членами КПСС, и, таким образом, члены одной партии конкурировали между собой. Конкуренция была отнюдь не формальной. Борясь за голоса избирателей, кандидаты вынуждены были обозначить свои позиции по отношению к основным проблемам общественно-политического и экономического развития. Как результат, в ходе подготовки и проведения выборов в партии оформились течения радикально-реформистского, центристского и консервативного толка, которые в дальнейшем структурировались на съездах народных депутатов СССР и РСФСР¹⁶. Выборы привели к нарастанию внутрипартийной конфликтности и слому традиции политического конформизма. С этого времени количество «несогласных» и «бунтарей» внутри КПСС стало стремительно увеличиваться, о чем хорошо свидетельствует ускорившийся процесс выхода из партии¹⁷.

Руководящие партийные кадры не желали терять позиций. Большинство из них нацелилось на продолжение карьеры в органах государственной власти. Важнейшим условием для сохранения высокого статуса стала победа на выборах народных депутатов и завоевание авторитета в депутатском корпусе. Биография опального Б. Н. Ельцина хорошо показывает, какую политическую роль стали играть электоральные процессы. Выборы народных депутатов СССР дали ему возможность вновь «прорваться» на политический Олимп. Выборы открыли возможность для политической карьеры целому ряду общественно активных, но не статусных коммунистов. Практически в каждом регионе появились фигуры, которым удалось, несмотря на сопротивление партийных органов, стать депутатами.

¹⁶ Кынев А.В., Любарев А.Е. Партии и выборы в современной России: Эволюция и деволуция. М., 2012. С. 266–275.

¹⁷ Котляров М.В. Динамика численности и состава организаций КПСС в Западной Сибири в период перестройки (1985–1991 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сб. науч. статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2010. С. 272–273.

Получение депутатского мандата для одних партийных руководителей стало новым карьерным успехом, тогда как для других — неопреодолимым препятствием. На первых альтернативных выборах в СССР потерпели поражение 33 первых секретаря и 31 секретарь крайкомов и обкомов — почти треть кандидатов этого ранга. Из шестерых партийных и советских руководителей, выдвинувших свои кандидатуры на выборах в Москве, прошел только Б. Н. Ельцин, который использовал по сути оппозиционную риторику. В Ленинграде не прошли все пятеро кандидатов, имевших высокий партийно-государственный статус. В Эстонии и Латвии проиграла выборы почти половина советских и партийных руководителей¹⁸.

Причиной поражений руководящих партийных работников была не столько их низкая популярность среди населения, сколько пренебрежительное отношение к организации своих избирательных кампаний, которые копировали худшие традиции прошлых лет. В период избирательной кампании часть секретарей сосредоточились на выполнении своих должностных обязанностей, не понимая, что в новых условиях главный залог их «политического выживания» — это победа на альтернативных выборах, перевоплощение из «номенклатуры» в «народных избранников».

Серьезным психологическим барьером стала ориентация руководящих партийных работников на решение хозяйственных задач. Многим из них не хватало знаний гуманитарных дисциплин, навыков и умения вести полемику, произносить публичные речи. Поэтому они проигрывали менее опытным, но внешне и вербально более ярким претендентам на депутатские мандаты. Для большинства секретарей поражение на выборах означало скорый конец партийной карьеры, так как коммунисты стали отказывать им в доверии при избрании на пост руководителя партийной организации. Таким образом, заложенная в выборах идея фильтра «сработала». Те кто, не смог адаптироваться к требованиям состязательной демократии, выбыл из политической элиты.

¹⁸ Шубин А.В. Парадоксы перестройки. Упущенный шанс СССР. М., 2005. С. 329.

Сформированный в течение 1989–1990 гг. путем альтернативных выборов депутатский корпус в союзных, республиканских, краевых, областных, городских и районных советах по-прежнему формально представлял собой «нерушимый блок коммунистов и беспартийных». Так, в числе народных депутатов СССР было 78% членов КПСС, среди депутатов РСФСР — 76%, в краевых и областных советах — около 85%, в городских и районных советах — 75%. Однако получение мандата сильно повлияло на политические позиции депутатов-коммунистов. Большинство из них стремилось дистанцироваться от партии. Наиболее активные фигуры принялись налаживать сотрудничество с представителями оппозиции, «забыв» о своей партийной организации. Большинство депутатов-коммунистов отказывались вступать в партийные группы (фракции), предпочитая действовать самостоятельно. Тем не менее, лишь немногие из них по примеру Б.Н. Ельцина, который на XXVIII съезде заявил, что выходит из партии, решило покинуть ряды КПСС. Подавляющее большинство депутатов-коммунистов выбрало позицию двойной лояльности. Формально не разрывая связи с партией, они фактически ориентировались на общественные настроения, которые стремительно «заряжались» оппозиционностью.

С точки зрения политической целесообразности, дистанцируясь от партии, они действовали верно. Однако такое поведение не было для них простым поступком. Даже для Б.Н. Ельцина, который не отличался сентиментальностью и хорошо понимал, что для него выход из КПСС выгоден, разрыв с КПСС был тяжелым решением. «Он самым глубоким образом переживал то, что предстоит ему сделать. То есть он был растерян, потерян. Он, не скрывая, говорил: „Но это же то, что меня вырастило!“». То есть партия. Он как бы молоком ее вскормлен был, как ребенок материнской грудью. И невероятно тяжело было осмотреть, как он реально мучается», — вспоминал соратник первого президента России Г. Э. Бурбулис¹⁹. Такие психологические барьеры хорошо объясняют, почему вышедших из КПСС на уровне политической элиты было не много.

¹⁹ Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук / Петр Авен, Альфред Кох. М., 2013. С. 49.

Секретари партийных комитетов, которые были избраны депутатами, как правило, баллотировались на должности председателей советов. В результате во второй половине 1990 г. произошла стремительная «миграция» опытных партийных работников в органы государственной власти, которые после изменения политико-юридического статуса КПСС (изменение статьи 6 Конституции) и по мере продолжения курса на уменьшение полномочий и численности партаппарта, закрепленного решениями XXVIII съезда КПСС (2–13 июля 1990 г.), необратимо становились главными органами власти. В подавляющем большинстве случаев председателями советов стали первые секретари партийных комитетов, которые под нажимом демократических фракций депутатов оставляли партийный пост. Таким образом, партийной элите по большей части удалось сохранить высокий политический статус.

Борьба за сохранение высокого статуса была лишь одним из каналов политической адаптации партийной номенклатуры. Она сопровождалась глубоким изменением идейной атмосферы и информационного фона. Партийные работники, проявляя политическую гибкость, спокойно отнеслись к критике «застоя», в годы которого многие из них сделали свою карьеру. Однако процесс ревизии прошлого, когда в публицистике началось «проявление» многочисленных «белых пятен» истории коммунистической власти, вызвал их негативную реакцию. С трибун пленумов уже в середине 1988 г. стали звучать призывы к руководству партии о необходимости четко определить и официально закрепить оценки прошлого и исторические истины²⁰. В этой позиции ярко проявилось враждебное отношение коммунистов к альтернативному мнению и чуждым идеям.

Еще тяжелее партийные работники воспринимали критику своего особого статуса. «Перед каждым из нас стоят вопросы: ради чего ты жил, во что верил, не было ли все прожитое ошибкой. Основания для подобного более чем достаточно. Ярлыки типа: аппаратчики, чиновники, бюрократы, смакование на разные голоса каких-то льгот и привилегий, требование исключить из Конституции СССР положение о руководящей роли партии, не придают оп-

²⁰ ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1а. Д. 6677. Л. 12.

тимизма, а наоборот — создают, как точно выразился один из ораторов на Апрельском пленуме ЦК, стойкое чувство дискомфорта», — такими словами передал свое состояние первый секретарь Змеиногорского горкома КПСС Алтайского края О. Л. Санин на совещании первых секретарей горкомов и райкомов края 2 июля 1989 года²¹. Однако эти жалобы не означали, что партийные работники стали переоценивать свои политические взгляды и опыт. Они свидетельствовали о нарастании недоверия к политике перестройки и ее инициаторам, что в полной мере проявилось в следующем году.

В 1990 г. в условиях стремительного ухудшения социально-экономического положения и становившегося все более очевидным провала перестройки возник вопрос об ответственных за ее «результаты». СМИ возлагали ответственность на «парт-аппарат». Однако в условиях гласности его представители не стали отмалчиваться, подозревая, что генеральный секретарь ЦК КПСС инспирировал нападки на них со стороны журналистов, решив сделать номенклатуру «козлом отпущения». После XXVIII съезда, на котором М.С. Горбачев не смог предложить для партии ясных целей и задач и четко определить ее место в обновленной политической системе, руководящие партийные работники начали открыто заявлять о недоверии «Генсеку», обвиняя его в том, что он ведет СССР к развалу. Нараставшее в номенклатуре недовольство в итоге вылилось в требование отставки М.С. Горбачева с поста генерального секретаря ЦК КПСС на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КПСС 24 апреля 1991 г. Однако «партийные генералы» так и не решились его «додавить». Среди них не нашлось личности, готовой взять на себя ответственность за судьбу партии и «сформировать» полноценную внутривнутрипартийную фронду. Секретари крайкомов и обкомов, умевшие командовать на вверенной территории, не смогли выдвинуть ни альтернативной политической программы, ни собственного лидера, и поэтому они оказались бессильны.

В кризисные эпохи всегда существуют группы «проигравших» и «выигравших». Выигрывают те, чьи социо-культурные и профессиональные качества больше соответствуют запросам времени.

²¹ ЦХАФАК. Ф. П-1. Оп. 151. Д. 29. Л. 26.

Если для руководящих партийных работников перестройка стала серьезным испытанием, которое не все смогли преодолеть, то для «партийной интеллигенции» появился реальный шанс проявить себя и повысить свой общественный статус.

До начала политических преобразований роль научных сотрудников, преподавателей вузов, публицистов и журналистов в КПСС была незначительной. Они в основном привлекались для реализации агитационно-пропагандистских мероприятий, которые не являлись приоритетным направлением партийной работы. Экспертное обеспечение принятия политических решений имело место только на уровне ЦК. В местных партийных организациях такой практики не было, так как в краях и областях требовалось четкое выполнение поставленных партийным руководством задач, а не их «обсуждение».

В условиях начавшихся реформ востребованность интеллигенции властью заметно выросла. Партийному руководству на этот раз оказались нужны не просто пропагандисты и агитаторы, а люди, способные ответить на вопросы о том, «что происходит» и «куда мы идем». В первую очередь начала расти общественная роль СМИ как института, способного максимально быстро реагировать на изменения общественных настроений и давать быструю оценку происходившим событиям. На общесоюзном уровне редакторы таких изданий, как «Огонек» (В.А. Коротич) и «Московские новости» (Е.В. Яковлев), стали играть одну из ключевых ролей в определении общественных настроений.

В 1987–1988 гг. в условиях разорачивавшейся гласности к легальной публицистической деятельности «прорвались» сотрудники научных институтов и преподаватели вузов. Особенно востребованными у СМИ стали представители гуманитарных и общественных наук: историки, экономисты, социологи, юристы. Они включились в процесс переоценки прошлого партии, сущности созданного в СССР строя и его перспектив. Поскольку советское общество носило идеократический характер, публикации обществоведов стали важнейшим элементом политического

процесса. Их дискуссиями пытался дирижировать аппарат ЦК КПСС, а общественность за ними внимательно следила²².

С началом большого избирательного цикла весной 1989 г. многие научные сотрудники и преподаватели вузов, являвшиеся членами партии, решили участвовать в альтернативных выборах. Новые принципы организации электорального процесса — альтернативность и гласность — способствовали участию в них интеллигенции. Ее представители в отличие от других групп советского общества обладали необходимыми для конкурентной избирательной кампании навыками: умением внятно говорить, убеждать, вести полемику, писать программы. Наконец, положительные эмоции у избирателей, уставших от номенклатурных типажей, вызывали умные, интеллигентные лица кандидатов и докторов наук.

Благодаря выборам народных депутатов СССР и РСФСР, целой плеяде партийных интеллектуалов удалось как никогда приблизиться к рычагам реальной власти и завоевать народное доверие. Имена Л.И. Абалкина, Ю.Н. Афанасьева, Г.Э. Бурбулиса, Е.Т. Гайдара, Г.Х. Попова, С.Б. Станкевича, Г.А. Явлинского и многих других научных сотрудников и преподавателей вузов, состоявших в КПСС, стали олицетворением эпохи реформ.

Особняком стоит фигура доктора юридических наук, профессора А.А. Собчака, политическая карьера которого хорошо отражает взаимоотношения интеллигенции и партии в переломную эпоху. А.А. Собчак вступил в КПСС в 1988 г. после XIX Всесоюзной партийной конференции и начала активного процесса вывода войск из Афганистана, убедившись, что в СССР начались реальные преобразования и главным двигателем их является КПСС, положение которой казалось ему в то время «незыблемым». Однако идеологию партии он не разделял; ему были ближе либерально-демократические взгляды. Но А.А. Собчак надеялся, что «партийным демократам» удастся преобразовать КПСС в партию парламентского типа. В 1990 г. все больше коммунистов стали переходить на позицию жесткой критики реформ. Непосредственным толчком к выходу А.А. Собчака из КПСС

²² Шубин А.В. Парадоксы перестройки... С. 106–118, 178–189; История экономики СССР и России в конце XX века... С. 23–32.

послужило игнорирование идей «Демократической платформы в КПСС» подавляющим большинством делегатов XXVIII съезда КПСС и выход из партии Б.Н. Ельцина. Эти события показали, что «демократическому крылу» членов КПСС нет смысла оставаться в партии. Как и Б.Н. Ельцин, А.А. Собчак мотивировал свой выход из партии не идеологическими причинами, а тем, что, став председателем коллегиального органа государственной власти (Ленинградского городского совета народных депутатов), он хочет избежать обвинений в предвзятости, и поэтому не может оставаться членом какой-либо политической партии²³.

Поступок А.А. Собчака может создать иллюзию, что выход из партии стал трендом среди представителей интеллектуального труда. Однако анализ состава вышедших из КПСС показывает, что интеллигенция не стремилась активно покидать партийные ряды. Это было обусловлено высокой степенью ее зависимости от политической власти. Боязнь негативных последствий от неправильно сделанного политического выбора в среде интеллигенции была очень сильной. Тем более, что вплоть до приостановки деятельности КПСС на территории РСФСР 23 августа 1991 г. было не ясно, как будет развиваться политическая ситуация²⁴. На открытый разрыв с партией, по сути, пошли только те представители интеллигенции, кто решил делать политическую карьеру на волне роста оппозиционных коммунистической власти настроений.

Анализ динамики численности и состава КПСС в Западной Сибири и на Южном Урале показал, что партию покидали преимущественно представители такой социальной группы, как рабочие, а среди возрастных — молодежь²⁵. Например, в партийных организациях Западной Сибири в 1991 г. по сравнению с 1985 г. численность

²³ Собчак А.А. Хожение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991; Вишневский Б.Л. К демократии и обратно. Смоленск, 2004. С. 248.

²⁴ Котляров М.В. Динамика численности и состава организаций КПСС в Западной Сибири в период перестройки (1985 — первая половина 1991 г.). С. 280–282.

²⁵ Иванов В.Н. КПСС и власть: Департизация органов государственной власти и управления на Южном Урале. Челябинск, 1999. С. 89–92; Котляров М.В. Динамика численности и состава организаций КПСС в Западной Сибири... С. 257–283;

коммунистов-рабочих уменьшилась с 268,8 тыс. чел. до 150,0 тыс. чел. (на 44,2 %), тогда как количество «партийной интеллигенции» (медицинских работников, преподавателей вузов, научных сотрудников, работников искусства, литературы и печати) сократилось всего с 63,4 тыс. чел. до 55,8 тыс. чел. (на 12,0 %). Столь существенное сокращение количества рабочих в значительной степени отражало их политические настроения и адаптивные возможности. Экономические проблемы в первую очередь сказались на рабочих. Реформы, реализованные руководством СССР, фактически ничего не дали этой социальной группе. Рабочие значительно меньше служащих были зависимы от политического режима, поэтому могли свободнее и решительнее выражать свою позицию. Многих рабочих удерживал в партии политический конформизм, так как их принимали в партию «по разнарядке», и поэтому, когда КПСС начала утрачивать контроль над политическими процессами, они вышли из партии. Немаловажную роль сыграл фактор концентрации рабочих в больших трудовых коллективах и высокий уровень их социальной солидарности. Выход из партии одного или нескольких рабочих часто провоцировал на это большое количество их товарищей.

В Западной Сибири удельный вес членов КПСС до 30 лет к началу 1991 г. по сравнению с 1985 г. уменьшился в два раза. Причем самая большая разница наблюдалась по младшим возрастным категориям: от 18 до 20 лет включительно — в 10 раз и от 21 до 25 лет — в 3,7 раза. В начале 1991 г. коммунистов зрелого возраста от 31 до 60 лет насчитывалось в составе парторганизаций 380,2 тыс. чел. (63,6 %). За годы перестройки удельный вес этой группы в парторганизациях практически не изменился. Количество пожилых людей (старше 60 лет) в начале 1991 г. составляло 160,0 тыс. чел. Доля этой категории выросла на 11,0 %, достигнув 26,8 %.

Сокращение удельного веса молодежи объясняется тем, что она по сравнению с другими возрастными категориями стремительнее покидала коммунистические ряды. Молодежь всегда радикальнее выражает свою политическую позицию в условиях социально-политической нестабильности. Проявлением этого в конце 1980-х — начале 1990-х годов как раз являлся демонстративный выход из КПСС. Одновременно молодежи свойственен быстрый отказ от идейно-политических ценностей старших поколений и недооценка значения их политического опыта. Сомнения в правильности социа-

листического пути развития и негативное отношение к КПСС как основному «виновнику» кризиса в молодежной среде были сильнее, чем у коммунистов старших поколений. Наряду с социально-психологическими причинами значительную роль сыграл институциональный фактор — кризис организаций ВЛКСМ, который начался гораздо раньше партийного. В 1990 г. местные комсомольские организации функционировали слабо, подготовка членов комсомольских организаций к вступлению в партию осуществлялась от случая к случаю.

Граждане, сохранившие партийные билеты, которых в 1991 г. оставалось еще около 15 млн человек, так или иначе стремились дистанцироваться от партии. Они не платили членские взносы, под разными предлогами избегали партийных собраний, которые собирались все реже и реже, игнорировали партийные поручения. В свою очередь позиция тех, кто продолжал посещать партийные мероприятия, была проникнута алармизмом, ощущением надвигающегося краха государственности. Атмосфера, царившая в парторганизациях, объясняет, почему в августе 1991 г. коммунисты заняли в основном выжидательную позицию в отношении ГКЧП. Партия к тому времени была сильно деморализована. Мобилизовать ее «боеспособные части» можно было только очень серьезными усилиями, которые требовали соответствующей подготовки. Однако в этом направлении никаких мер не предпринималось. Для подавляющего большинства руководящих партийных работников и рядовых членов КПСС, как и для общества в целом, создание ГКЧП стало неожиданным, породив растерянность, подавленность и страх перед угрозой вооруженного насилия. В результате Указ Президента РСФСР Б.Н. Ельцина о приостановке деятельности организаций КПСС на территории республики, опубликованный 23 августа 1991 г., большинство членов партии восприняло с пониманием и спокойно.

Обстановка, сложившаяся в парторганизациях к осени 1991 г., стала закономерным итогом реализации курса на демократизацию политической системы и либерализацию экономических отношений. Он категорически противоречил идеологической и институциональной сути «политического ядра» советского общества. КПСС могла «пережить» критику своего прошлого, десталинизацию и демократизацию кадровой политики, но со

времени объявления альтернативных выборов партия стала «рассыпаться». Члены КПСС начали реально конкурировать друг с другом, что неизбежно вело к открытому идейно-политическому размежеванию и крушению политической монополии. Получение депутатского мандата на альтернативных выборах изменило отношение к партийной дисциплине. «Народные избранники» стали ориентироваться на настроения избирателей, а не на указания первого секретаря партийного комитета.

В свою очередь сокращение полномочий и численности партийного аппарата заставило опытные партийные кадры перейти на работу в органы государственной власти. Несмотря на дискомфорт этого процесса, большая часть партийной элиты не утратила для себя самого главного — высокого социального и политического статуса, поэтому по большому счету не имела серьезных мотивов, чтобы бороться за сохранение «старого порядка». Ей было привычнее и легче снова политически мимикрировать. Рядовой партийной массе также удалось адаптироваться к новым реалиям. Она дистанцировалась от партийной деятельности, сосредоточившись на своих профессиональных делах и личных интересах.

Созданные условия для перемещения партийной элиты в органы государственной власти и «политическая гибкость» членов КПСС во многом обеспечила мирный характер переходного периода от тоталитарной политической системы к «августовской республике». Однако победа демократии «по форме» не стала победой демократии «по сути». В августе 1991 г. произошел крах КПСС, однако он не сопровождался отстранением от власти носителей ее политической культуры²⁶. Поразительная политическая гибкость, политический конформизм, враждебное отношение к демократическим принципам, худшие качества технократизма до сих пор остаются «визитными карточками» российского политического класса, обусловив возвращение в политическую жизнь России не только советских символов, но и практики политического управления.

²⁶ По данным сектора изучения элиты Института социологии РАН, к 1994 г. 75% политической и 61% бизнес-элиты составляли выходцы из партийной, советской, комсомольской и хозяйственной номенклатуры.